

ББК 63.3-284.6

Е.Л. Ли, Е.О. Скрипник

**Борьба с «желтой угрозой» на Дальнем Востоке
на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв.: конфликт
формальных правил и неформальных практик***

E.L. Li, E.O. Skripnik

**The «Yellow Threat» Control in the Russian Far East
on the Boundaries of the XXth and XXIth Centuries:
The Conflict between Formal Rules and Informal Practices**

Показана взаимосвязь между ужесточением формальных правил пребывания и деятельности азиатских мигрантов и распространением неформальных практик не только среди мигрантов, но и в принимающем обществе. На примере Дальнего Востока России на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв. показано, что слабое воздействие формальных институтов компенсировалось сильным давлением неформальных.

Ключевые слова: Дальний Восток, азиатские мигранты, формальные правила, неформальные практики, миграционное регулирование, институциональный подход.

Тема «желтой угрозы» была и остается актуальной для Дальнего Востока. В настоящее время под «желтой угрозой» чаще всего понимают значительную и неконтролируемую миграцию и деятельность граждан из стран Азии. Формальное ужесточение правил въезда, пребывания, проживания и трудовой деятельности иностранных граждан, как показывает история освоения Дальнего Востока, провоцирует распространение неформальных практик (теневой и нелегальной активности). Несостоятельность попыток государства взять под контроль деятельность азиатских мигрантов отмечалась в работах многих авторов, но причины этих провалов не систематизировались. Исследователи фокусировались на изучении либо самих миграционных процессов [1–5] и их эволюции [6–10], либо неформальных практик [1; 3] и их современных модификаций [7; 11].

Целью данной работы является попытка обозначить закономерность появления неформальных практик в зависимости от институциональных причин «провала» формальных правил, в том числе слабость формальных институтов (переменчивость государственной политики; наличие «дыр» в законодательстве; слабость контроля со стороны местных властей; бюрократичность системы контроля) и сила нефор-

In this paper we describe interrelations between toughening the residence rules, Asian immigrant's activity and informal activities spreading not only in the Asia migrant's community, but among receiving society. Basing on the example of the Russian Far East in XIX–XX, XX–XXI centuries it was shown that the weak formal policy was compensated by strong informal sector.

Key words: Far East of Russia, Asian migrants, formal policy, informal activities, migrating regulation, institutional approach.

мальных институтов («несочувствие» к друг другу в российском обществе; «сочувствие» населения и местных властей к мигрантам; «незаинтересованность» в неформальной активности; «заинтересованность» в иностранном труде; внимание представителей российского бизнеса, «теневиков» и местных администраций к присутствию мигрантов).

Переменчивость государственной политики. В начале XX в. отношение местной и центральной властей к азиатским мигрантам постоянно менялось: от стимулирования притока до его ограничения. В периоды жесткого регулирования непостоянство официальной позиции служило надеждой для мигрантов, что со временем приоритеты изменятся и настанет период, когда оно станет более мягким. В. Арсеньев указывает, что в документах китайских «обществ взаимного вспомоществования» в отношении русских законов отмечалось: «сегодня кажется так, завтра – иначе» (цит. по: [3, с. 196]). Это обстоятельство позволяло мигрантам в течение длительного времени не обращать внимания на изменения в русском законодательстве, так как всегда была надежда на его пересмотр в будущем. Если новый закон нельзя было игнорировать, вырабатывались неформальные стратегии адаптации, например, менялись вывески, а содержание оставалось тем же.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири, XIX – начало XXI вв.» (шифр 2009-1.1-301-072).

В настоящее время меры государственной политики тоже часто меняются, порождая новые виды неформальной деятельности. Например, норматив беспошлинного ввоза потребительских товаров из Китая в Россию до 2007 г. составлял 50 кг, затем он был сокращен до 35 кг, а в 2010 г. опять повышен до 50 кг. Изменение норматива в 2007 г. должно было обеспечить приоритет местных производителей на рынках; «наведение порядка» в местах массовой торговли; повышение доли трудоустроенных местных граждан; ликвидацию теневых отношений и монополизации рынков этническими «мафиями». Однако последствия оказались следующими: рост коррупции, вовлечение большого числа российских граждан в теневые формы занятости [12, с. 240], появление «челноков», затем «кирпичей», «фонарей» и «помогаев». Доказательством эффективности стратегии выживания мигрантов, ориентированной на ожидание перемен, стало возвращение в 2010 г. объема беспошлинного ввоза на первоначальный уровень.

«Дыры» в законодательстве. Ужесточение режимов прибытия и проживания мигрантов на Дальнем Востоке России в начале XX и начале XXI в. из-за законодательных «дыр» привело к развитию псевдолегальной деятельности. Например, установленный в начале XX в. запрет на перевозку безбилетных китайских граждан и их грузов на пароходах заставил владельцев судов поднимать русские флаги и нанимать подставных лиц – русских безработных – за ничтожную плату, иногда за водку. В результате китайские суда стали работать еще эффективнее, так как сформировалась следующая неформальная практика: русский безработный встречал шаланду и заявлял, что судно и груз принадлежат ему, а прибывшая на лодке партия китайских граждан – матросы. Затем матросы передевались в пассажиров и сходили с товарами на берег. Русские власти не имели законных оснований вернуть судно на родину.

В настоящее время технические возможности контроля значительно выросли, но проблема законодательных «дыр» остается. Примером тому являлась выдача учебных виз для китайских студентов, которые, формально обучаются, но на практике осуществляют трудовую деятельность. Вернуть их на родину можно только в случае просрочки визы.

Слабость контроля со стороны местных властей. Причиной слабого контроля границ на Дальнем Востоке России начале XX в. была ее большая протяженность. Охрана всего участка границы была не под силу русским властям, что способствовало развитию нелегальной миграции и теневых экономических отношений. Например, закрытие границы во время чумы не остановило движения корейских мигрантов в Россию, но лишь изменило их пути. Выселение нелегалов не давало результатов, так как они беспрятственно возвращались обратно [2, с. 40–42].

Другим примером стала борьба с ханшинскими заводами («ханшин» – русское название китайской водки «шао-цзю»). В Приамурье заводы появились в начале 1880-х гг., а к 1906 г. действовало 204 предприятия, численность которых с 1907 г. стала сокращаться вследствие специальных мер со стороны русских властей. Ханшинщики перекочевали в Манчжурию, однако с их уходом количество китайской водки в крае не только не уменьшилось, а, напротив, возросло [3, с. 136]. Несмотря на перемещение заводов за границу рынка сбыта их продукции остался в Приамурском крае. При этом китайские производители ханшина только «выиграли», так как в Приамурском крае русские власти их «беспокоили», а на китайской стороне они могли работать свободно. Пересечь границу с нелегальным товаром оказалось легче, чем получить разрешение на ведение деятельности в России.

В настоящее время контроль на границе существенно усилен, однако нелегальные мигранты, например контрабандисты, занимающиеся скупкой медвежьих лап, шкур тигра, пантов и других видов охотничьего промысла, проникают на российскую территорию, так как есть возможность «проскочить» незамеченными через контрольные пункты.

Бюрократичность системы контроля. В начале XX в. бюрократизм системы контроля давал дополнительные возможности для неформальной деятельности. С момента выявления факта нарушения на китайском предприятии до получения разрешения на применение санкций проходило около 7,5 мес. За это время нелегальный бизнес продавали или якобы продавали другому лицу, на которого ранее документы не собирались. Эта процедура могла повторяться до бесконечности [1, с. 31–32].

В настоящее время бюрократизм наблюдается на этапе выдачи виз и оформления разрешений на привлечение иностранной рабочей силы. Из-за непрерывности производственного процесса и ограниченности срока пребывания китайских работников в России русские предприятия нанимают их нелегально.

«Сочувствие» населения и местных властей к мигрантам. Термин «сочувствие» использовал В. Граве для объяснения невозможности борьбы с нелегальной миграцией. Даже если государственные ограничительные меры принимались, то распространялись они преимущественно на казенные работы и, как правило, не поддерживались частными лицами, заинтересованными в использовании дешевой рабочей силы.

На государственном уровне периоды «сочувствия» совпадали с ростом потребности экономики в труде азиатских мигрантов [13, с. 29].

Сплоченность мигрантов. Незримым конкурентным преимуществом китайцев и корейцев в России была сильная сплоченность. Она же позволяла оперативно уходить в тень, так как это являлось стратегией снижения общего экономического риска (недополуче-

ния прибыли). В основе китайской формы организации торговых предприятий была взаимная ответственность и распределение рисков ведения хозяйства между всеми членами общества [4, с. 105–114], что позволяло экономить на издержках. В результате стоимость проживания и питания работника в китайском торговом предприятии составляла во Владивостоке 5 руб. 10 коп., в Хабаровске – 4 руб. 97 коп.; в русском предприятии – 19 руб. 37 коп. и 22 руб. 37 коп. соответственно. Совокупные постоянные издержки китайских предприятий колебались от 5 до 8% оборотного капитала, русских – в пределах 15–20%. Средняя заработная плата в месяц одного китайского работника достигала – 5–7 руб., русского – 35–75 руб. [1, с. 28–30]. При данном соотношении издержек дальнейшее повышение конкурентоспособности обеспечивалось за счет развития теневых взаимодействий (контрабанды и неуплаты налогов).

Механизмом адаптации являлся институт землячества, который выполняет свои функции и в настоящее время [14]. Его экономическая роль сводится к реализации многочисленных «теневых» схем извлечения прибыли [6, с. 67] в тех сферах предпринимательства, где можно рассчитывать на быстрое первоначальное накопление капитала: в торговле, общественном питании, строительстве, гостиничном бизнесе. Формирование мигрантами сообществ с развитыми и эффективно действующими экономическими и социальными сетями, механизмами взаимной поддержки и кооперации В.И. Дятлов называет «стратегией диаспоризации» [7, с. 72–77]. С этой позицией не согласен А.Г. Ларин, который считает, что китайские мигранты являются временной рабочей силой и не представляют собой диаспору [9, с. 154]. Действительно, в конце XIX – начале XX в. китайцы не оставались на Дальнем Востоке более трех лет; все они стремились, скопив некоторую сумму средств, вернуться домой [1, с. 7]. Несмотря на «временность» пребывания, они объединялись в организационную структуру – «тайные коммерческие общества» [3, с. 189–194; 5, с. 156–162], которые официально имели статус «обществ взаимного вспомоществования», призванными заниматься благотворительностью и совместной с русскими отрядами защитой территории от хунхузов (китайских разбойников). Фактически эти общества являлись «государством в государстве», выполняя весь спектр полномочий. Стопроцентное членство китайских мигрантов, большая распространенность обществ и высокая организация их работы делали их экономически устойчивыми и политически опасными. Чем более сплоченной оказывалась деятельность китайских коммерческих обществ, тем менее «прозрачной» она становилась для местных властей.

В настоящее время теневая активность азиатских мигрантов поддерживается не только их собственными объединениями, но и российскими заинтересован-

ными участниками, в первую очередь бизнесом [11, с. 6]. Современный пример попытки ограничить присутствие иностранных продавцов на рынках страны посредством формальных мер [15] показал, что ее реализации препятствовали как минимум четыре силы: 1) представители российского бизнеса; 2) «теневики» – китайские мигранты; 3) посредники; 4) местные администрации.

Заинтересованность представителей российского бизнеса. Ограничения ущемляли интересы не только китайского, но и российского бизнеса, получающего доход от иностранных арендаторов. Нечеткость формулировок позволила найти «лазейки» в законодательстве. Сотрудники рынков стали предупреждать продавцов о предстоящих проверках [12], а рыночные площадки в спешном порядке получили статусы торговых центров [14], оптовых баз [12], магазинов и торговых комплексов [16], которые не подпадали под действие постановления.

Заинтересованность «теневиков». В данном случае «теневиками» стали китайские мигранты, которые, попадая в российскую среду, быстро приняли «правила игры»: копируют российские методы уклонения от налогов [17] или уплаты «откатов» в пользу коррумпированного российского чиновничества и криминала [18]. Современные китайские землячества имеют схожие организующие функции, свидетельством чему стали масштаб и оперативность адаптации китайских мигрантов к изменению формальных правил.

После вступления в силу Постановления о допустимой доли иностранцев, торгующих на рынках, мигранты, не знающие местного законодательства, быстро сориентировались и переформировали свой бизнес на русских, сохранив функции управления и контроля в своих руках. При этом китайские продавцы с рынков не уходили, оставаясь по документам «товароведами», торговыми агентами или просто прохожими. Вместо продавцов китайские предприниматели нанимали «лжепродавцов» (часто бомжей, местных алкоголиков), которые за небольшую плату сидели рядом и являлись «прикрытием» на случай проверки. Показательно, что в Хабаровске за полгода действия данного Постановления был задержан всего один мигрант, который нарушил закон, торгуя овощами и фруктами [19]. Другая форма адаптации китайских «теневиков» – получение вида на жительство или гражданство РФ, которое полностью легализовало не только их торговлю на рынке, но и проживание [10, с. 260].

Массовость выбора одной и той же стратегии одновременно всеми участниками свидетельствует о наличии сильных неформальных механизмов распространения нормы ухода в тень. В разрозненной совокупности это невозможно. Сплоченность «теневиков» способствовала сохранению объема теневой торговли на прежнем уровне, а численность россий-

ских граждан, занятых в теневом секторе, при этом увеличилась. Сложившуюся ситуацию специалисты отдела иммиграционного контроля управления Федеральной миграционной службы по Хабаровскому краю охарактеризовали как «насмешку над не слишком продуманным российским законом...» (цит. по: [20]).

Заинтересованность посредников. Посредники и институт посредничества формально являются следствием асимметричности информации на рынке несовершенной конкуренции. Снизить асимметрию невозможно: на рынке сталкиваются слишком разные и инертные культуры. В этом направлении деятельность посредников легальна. Но так как основной специализацией посредников является преодоление непрозрачных бюрократических барьеров, то их деятельность имеет преимущественно теневой характер [10, с. 19–36; 11]. При этом ужесточение режима пребывания или деятельности мигрантов приводит к повышению заинтересованности всех участников процесса в теневой активности посредников.

Заинтересованность местных администраций. Быстрота реоформления рынков в «торговые центры» свидетельствует о наличии административного ресурса, заинтересованного в сохранении старых форм хозяйствования под новой вывеской [12]. Местные бюджеты зависимы от поступлений прибыли от торговли китайскими товарами. Например, центральный рынок Благовещенска в 2006 г. от деятельности 400 китайцев получал 10 млн руб. ежемесячной прибыли [16], отдавая в пользу города 50% своей прибыли [12]. Стратегия поведения местных администраций соответствовала критерию максимизации прибыли,

т.е. была аналогичной стратегии российского бизнеса.

Итак, приведенные примеры охватывают незначительную часть связей между реализацией мер государственной ограничительной миграционной политики и развитием неформальных форм деятельности. Однако они доказывают, что образовавшийся институциональный разрыв будет заполняться теневыми практиками, которые, компенсируя слабость формальных институтов сильными неформальными нормами, образуют формальный и неформальный рынки.

Опыт борьбы с «желтой угрозой» на Дальнем Востоке России на рубежах XX и XXI вв. свидетельствует о корректности институциональных объяснений неформальной активности [21–22]. При ужесточении формальных правил объемы теневой активности не снижаются, так как в силу наличия «законодательных дыр» и слабой дееспособности контролирующих органов происходит трансформация старых неформальных практик в новые, с соблюдением формальных требований.

Основной конфликт между формальными правилами и неформальными нормами объясняется разрывом между частными и общественными интересами, а также местными и национальными. Меры борьбы с «желтой угрозой», нацеленные на мигрантов, в реальности затрагивали интересы всего принимающего общества, в котором в результате постоянно меняющихся законов и возможности их «обходить» отсутствует социальная приемлемость нововведений. В результате ни у мигрантов, ни у принимающего общества нет заинтересованности в сокращении неформальной активности.

Библиографический список

1. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. – Вып. XI. – СПб., 1912.
2. Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. – Приложение к вып. XI. – Хабаровск, 1913.
3. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае : историко-этнографический очерк // Записки Приамурского отдела императорского русского географического общества. – Т. X. – Вып. 1. – Хабаровск, 1914.
4. Волохова А.А. Китайская и корейская иммиграция на Российский Дальний Восток в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы Дальнего Востока. – 1996. – №5.
5. Сорокина Т.Н. Отношение русской администрации к китайским обществам в Приморской области в начале XX века // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах : материалы Третьей международной научной конференции. – Благовещенск, 2003.
6. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. – М., 2004.
7. Дятлов В.И. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска) // Байкальский регион в глобальном мире : Экспертные семинары 2005–2007 гг. – Иркутск, 2007.
8. Карлусов В.В., Кудин А.П. Китайское присутствие на Российской Дальнем Востоке: историко-экономический анализ // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – №3.
9. Ларин А.С. Китайские мигранты в России. История и современность. – М., 2009.
10. Новое миграционное законодательство Российской Федерации: правоприменительная практика / под ред. Г.С. Витковской. – М., 2009.
11. Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / под ред. Н.П. Рыжова. – Иркутск, 2009.
12. Коломейцев С. Китайские торговцы возвращаются // Амурская правда. – 2007. – 29 марта.
13. Вагин В. Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных странах. – Иркутск, 1876. – Т. 1.

14. Филипповский Э. Большая китайская скидка: рынки Хабаровска готовятся избавиться от иностранцев // Коммерсантъ (Хабаровск). – 2006. – 19 дек.

15. Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2006 г. № 683 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.

16. Нельзя подешевле? // ТВС-анонс. – 2007. – 14 апр.

17. Глазунов О.Н. Китайская разведка. – М., 2008.

18. Пальников М.С. Китайская миграция и будущее России. – Ч. 2. – 2007–2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/srez/val>.

19. Курышев В. Играют продавцы в кошки-мышки // Тихоокеанская звезда. – 2009. – 11 февр.

20. Новак О. И все-таки они торгуют // Тихоокеанская звезда. – 2007. – 31 окт.

21. Commander S., Tolstopiatenko A. A Model of the Informal Economy in the Transition Economies. – 1997. [Electronic resource]. URL: <http://wdi.umich.edu/files/publications/workingpapers/wp122.pdf>.

22. North D.S. Institutions Matter. EconWPA // Economic History. – 1994. – №9411004. [Electronic resource]. URL: <http://129.3.20.41/eps/eh/papers/9411/9411004.ps.gz>.